

Альманах "Рыболов- спортсмен"

№12 1959

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
А57

А57   Альманах "Рыболов-спортсмен": №12 1959 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 373 с.

ISBN 978-5-519-18524-0

Сборники художественных рассказов и хроник о рыбной ловле, а также советы по изготовлению снастей. Прекрасная возможность окунуться в атмосферу природы и быта той страны, в которой многие из нас родились и выросли.

Очередной выпуск альманаха содержит очерки о рыбной ловле, статьи учёных-ихтиологов, рыболовов-практиков и журналистов об актуальных проблемах, опыте мастеров и новинках рыболовного спорта...

ISBN 978-5-519-18524-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чивые призывы к разуму и чувствам людей, вольно или невольно причиняющих ущерб нашим рекам. Нужно и дальше разоблачать разгильдяев и формалистов, стыдить равнодушных, будить в них любовь к родной природе.

Пора уже нам подумать и о том, чтобы, тщательно изучив опыт рыболовных спортивных обществ других стран, отобрать из него все самое лучшее и творчески применить у себя, в наших условиях.

Советский народ уже добился замечательных успехов. Он не только строит, но и украшает свой дом. Советские люди хотят и, безусловно, достойны жить в самой богатой и самой красивой стране, с чистыми, прозрачными реками и великолепными лесами. Все это в наших руках. Нет никаких сомнений, что под руководством партии наш народ в уже начавшийся период развернутого строительства коммунизма — семилетку прекрасных свершений — неузнаваемо преобразит свою страну, сделает ее еще более могущественной и счастливой.

С. Машинский

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ, РЫБОЛОВ И ОХОТНИК

(к 100-летию со дня смерти С. Т. Аксакова)

Рыболовные и охотничьи книги Сергея Тимофеевича Аксакова — явление уникальное в истории русской, а пожалуй, и мировой литературы. Его очерки и рассказы об ужении рыбы и ружейной охоте впервые стали фактом «большой литературы», завоевав необычайно широкий круг читателей.

Аксаков впервые рассказал о любителях ужения и охотниках, как тонкий художник, владеющий несметными богатствами народного слова, как проникновенный поэт русской природы. Прав был Тургенев, заметивший, что охотничьи книги Аксакова обогащали не только охотничью литературу, но и «общую нашу словесность». Можно еще добавить, что эти книги сыграли немалую роль и в истории отечественной науки, они недаром снискали себе уважение со стороны крупнейших русских естествоиспытателей.

И недаром советские литераторы, пишущие об охоте и ужении рыбы, нередко с гордостью говорят о себе «все мы — аксаковцы», подчеркивая этим свое стремление бережно хранить и развивать традиции, пошедшие от этого основоположника отечественной «охотничьей» литературы.

*Сергей Тимофеевич Аксаков на берегу реки Вори
в Абрамцеве под Москвой*

Рис. худ. А. Шварца

В 20—30-е годы преимущественным родом литературной деятельности Аксакова была театральная критика. Его статьи и рецензии, регулярно печатавшиеся на страницах «Московского вестника», «Галатеи», «Молвы», были посвящены самым различным явлениям современной театральной жизни. Убежденно выступал Аксаков против классицистической рутины в театре, страстно защищая принципы нового реалистического искусства, которые насаждали в театре великие реформаторы русской сцены Шепкин и Мочалов.

В ту пору Аксаков совмещал свою литературную деятельность со службой в цензуре, а затем — в Константиновском межевом институте (был его директором). В 1839 году он решил выйти в отставку и жить «свободным человеком».

К началу сороковых годов Аксаков уже слыл известным литератором, обладал репутацией человека с тонким художественным вкусом. Знакомства с ним ищут видные писатели, актеры. Человек большой души, мягкий, добрый, отзывчивый, Аксаков привлекал к себе людей порой самых различных с ним политических убеждений; в вопросах житейских, литературных он неизменно служил нравственным авторитетом.

Тихая, размеренная, безмятежная жизнь в подмосковном имении Абрамцево рождала в душе Аксакова воспоминания о днях далекого детства и юности, о радостях общения с богатой и щедрой природой Оренбургского края, о первых удачах рыболова и охотника. В 1840 году он написал первый отрывок из своих воспоминаний, опубликованный лишь шесть лет спустя в «Московском литературном и учебном сборнике» и положивший начало его «Семейной хронике».

В это время начало ослабевать здоровье Аксакова. Заболел левый глаз, потом — правый. Быстро прогрессирующая болезнь была грозным предвестником неотвратимо надвигавшейся слепоты. Все труднее становилось писать самому. Приходилось обращаться за помощью к домашним, — они писали под его диктовку. 10 марта 1845 года Аксаков сообщает Гоголю, что это его последнее собственноручное письмо к нему: «Пусть эти строки напоминают вам последние усилия моего зрения»¹. И чем сильнее давал о себе знать недуг, тем с большим самозабвением и даже ожесточением предавался работе Аксаков. В том же письме к Гоголю он сознается, что не может заставить себя смириться перед надвигающейся катастрофой.

Начав во второй половине сороковых годов интенсивную литературно-художественную деятельность, Аксаков окунулся в атмосферу напряженных общественных интересов. Рост социальных противоречий в России и Западной Европе и связанное с ним повсемест-

¹ С. Т. Аксаков. Собрание сочинений в четырех томах, Гослитиздат. М. 1955—1956, т. III, стр. 315. В дальнейшем все ссылки на сочинения Аксакова даются в тексте в скобках римскими цифрами обозначается том, арабскими — страница

ное обострение идейной борьбы, назревание серьезных политических событий — вызвало в Аксакове очень сложную реакцию. С одной стороны, в нем проявлялись элементы критического отношения к современным порядкам, а с другой — эти порядки и последствия, которыми они были чреваты, пугали писателя и возбуждали в нем желание уйти от «скверной действительности», от «хаоса» современной политической жизни «в мир природы, в мир спокойствия, свободы». Вот характерные для подобных настроений Аксакова строки из его письма к сыну Ивану от 12 октября 1849 года: «Скверной действительности не поправишь, думая об ней беспрестанно, а только захвораешь, и я забываюсь, уходя в вечно спокойный мир природы»¹

Но уход в тихий «мир природы» отнюдь не мог изолировать писателя от острых вопросов действительности. Работа над другими произведениями этого периода вызывала у Аксакова более непосредственные ассоциации с идейными проблемами современности.

В середине 40-х годов, в разгар работы над «Семейной хроникой», Аксаков задумал написать книгу о рыбной ловле. Удочка была давней страстью писателя. В «Детских годах Багрова-внука» он рассказывал о первых радостях рыболова, которые испытал в самом детстве. «Ужение просто свело меня с ума! — писал он. — Я ни о чем другом не мог ни думать, ни говорить...» В годы юности и молодости Аксаков стал отдавать решительное предпочтение охотничьему ружью перед удочкой. Но на склоне лет он снова увлекся ужением. Даже старым, немощным, тяжелобольным человеком Аксаков ежедневно летом, в любую погоду, выходил из дому с опущенным на почти невидящие глаза защитным козырьком и часами просиживал на берегу Вори в Абрамцево с удочкой в руках.

Рано пробудившееся в Аксакове пытливое внимание к самым разнообразным явлениям природы было вскоре дополнено еще одной страстью — стремлением описывать предмет своих наблюдений. Позже, в очерке «Собирание бабочек» писатель рассказал о том, как любил он с детских лет «натуральную историю», а также о своих первых ребячьих попытках описывать полюбоившихся ему зверьков, птиц и рыб. «Это были ребячьи попытки мальчика, — продолжал Аксаков, — которому каждое приобретенное им самим знание казалось новостью, никому не известною, драгоценным и важным открытием, которое надобно записать и сообщить другим. Но горячая любовь к природе и живым творениям, населяющим божий мир, не остывала в душе моей, и через пятьдесят лет, обогащенный опытом охотничьей жизни страстного стрелка и рыбака, я оглянулся с любовью на свое детство — и попытки мальчика осуществил шестидесятилетний старик: вышли в свет «Записки об ужении рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». (П, 164—165).

А перед тем, 22 ноября 1845 года, Аксаков сообщал Гоголю: «Я затеял написать книжку об ужении не только в техническом

---

¹ Архив Института русской литературы Академии наук в Ленинграде (в Дальнейшем сокращенно ИРЛИ), ф. 3, оп. 3, д. № 16 лл. 70—70 об.

отношении, но в отношении к природе вообще; страстный рыбак у меня также страстно любит и красоты природы; одним словом, я полюбил свою работу и надеюсь, что эта книжка не только будет приятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлениям раннего утра, позднего вечера, роскошного полдня и пр. Тут займет свою часть чудесная природа Оренбургского края, какую я знал ее назад тому сорок пять лет. Это занятие оживило и освежило меня». (III, 326).

В начале 1847 года книга вышла из печати под названием «Записки об ужении». Разъясняя во вступлении содержание и характер этой книги, автор предупреждал читателей, что она «не трактат об ужении» и «не натуральная история рыб», что это — «ни больше, ни меньше, как простые записки страстного охотника». Нисколько не претендуя на «художественность», Аксаков строил книгу в форме непритязательных зарисовок — очерков «бывалого» человека-рыболова. Начав свое повествование деловыми замечками о рыболовных снастях и способах рыбной ловли, автор затем переходит к характеристике «рыб вообще» и подробному описанию различных пород рыб. Весьма кстати оказались многочисленные дневниковые заметки, которые Аксаков вел с давних времен. Он аккуратно записывал количество выловленной рыбы, найденных грибов, застреленной дичи, точно классифицируя ее по видам и способам добычи¹. Все это очень пригодилось Аксакову в работе над его охотничьими книгами.

Сведения, сообщаемые Аксаковым в «Записках об ужении», сопровождаются многочисленными его воспоминаниями из «собственного опыта». Практические советы, полезные для рыболова, перемежаются с тонкими «портретными» зарисовками рыб, их повадок и нравов, поэтическими описаниями картин природы. Это была удивительная книга, которая, по словам рецензента журнала «Современник», дает «более, нежели обещает заглавие»². Написанная, по свидетельству Аксакова, для «освежения» своих воспоминаний и «для собственного удовольствия», рассчитанная, казалось, на узкий круг читателей-рыболовов, она неожиданно для самого автора обрела очень широкую аудиторию и заставила Россию заговорить об Аксакове, как о крупном художнике. Описание различных видов рыб сочетается здесь с глубоким проникновением в жизнь природы. Уже современный Аксакову читатель увидел в «Записках об ужении» не практическое руководство к рыбной ловле, но произведение искусства, таящее в себе радость поэтического познания действительности.

Это страстная и вдохновенная книга. Она вся проникнута харак-

¹ Орывки из этих своеобразных охотничьих дневников Аксакова опубликованы Н. М. Павловым в журнале «Природа и охота», 1890, № 1, стр. 93—98. См. также автограф «Записок застреленной дичи». Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (в дальнейшем сокращенно: Л. Б.), ГАИС III, У/26² и Л. Б., ГАИС III, У/3.

² «Современник», 1847, № 6, отд. «Русская литература», стр. 114.

терным аксаковским «чувством природы». Его сущность заключалась не в эстетическом любовании «красотами природы», которое, по мнению писателя, есть не что иное, как «любовь к ландшафту, декорациям», свойственная и черствым, сухим людям, погруженным «в свой грязный омут» и ни о чем другом не способным думать, кроме как «о своих пошлых делишках», но в стремлении человека проникнуть в таинства окружающего нас мира. Аксаков называет такое стремление благородным, ибо оно возвышает человеческую душу, очищает ее от всяческой скверны, от «мелочных, своекорыстных хлопот», «самолюбивых мечтаний». Активное общение с природой вдохновляет мысль человека, придает ему «твердость воли и чистоту помышлений», обдаёт его «свободным, освежительным воздухом». Аксаков писал в одном стихотворном послании:

Есть, однако, примиритель,
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель,—
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов,
И — в свои молодые годы.

Аксаковское «чувство природы» активно и гуманистично. «Не оскорбленная людьми жизнь природы», которую живописует Аксаков,— это царство свободы. Вот почему рыбная ловля, охота — не просто приятное времяпровождение. Они воспитывают благородные чувства в человеке, закаляют его волю, характер, сближают людей не только с природой, но и между собой, и, таким образом, содействуют духовному оздоровлению общества.

Появление «Записок об ужении» неожиданно для самого автора стало сразу же приметным явлением в русской литературе. Скромное, деловито-прозаическое заглавие книги воспринималось как нечто мало соответствующее богатству и удивительной поэтичности ее содержания, ее литературной манере, языку. Необычайная новизна и своеобразие аксаковских «Записок» тотчас же обратили на себя внимание современников. «...Мы были совершенно изумлены,— писал один из рецензентов,— когда, раскрыв «Записки об ужении» с полною уверенностью встретить в них с галиматьею, сделавшеюся отличительным достоянием книги о подобного рода предметах, увидели вдруг книгу, если не весьма полезную, то весьма умную, написанную чистым русским языком и складом,— книгу, которая, на безделье, может быть прочитана с удовольствием не одними охотниками удить рыбу, но и каждым образованным человеком»¹.

---

¹ «Финский вестник», 1847, № 6, отд. V, стр. 2.

В таком же духе откликнулись, многие другие современные критики, единодушно отмечавшие и чисто познавательные и эстетические достоинства книги Аксакова.

Вскоре возникла потребность в ее переиздании. Писатель воспользовался этим обстоятельством, появилась новая глава — «О рыбах вообще» и были существенно расширены почти все остальные четыре десятка глав. В начале 1854 года второе издание вышло в свет. Оно теперь стало называться «Записки об ужении рыбы.»

В новом издании книга открывалась стихотворным эпиграфом, взятым из «Послания к М. А. Дмитриеву» (см. выше, стр. 11). У этого эпиграфа есть своя история. Аксаков первоначально хотел им сопроводить второе издание «Записок ружейного охотника» (М. 1852). В бумагах Анны Григорьевны Достоевской, жены Ф. М. Достоевского, сохранился автограф С. Т. Аксакова, озаглавленный: «Эпиграф». За текстом эпиграфа следует короткая записка Аксакова, начинающаяся фразой: «Не правда ли, что этот эпиграф был очень кстати к моим «Запискам ружейного охотника»?¹ Замысел Аксакова не осуществился. Московская цензура, напуганная недавним скандалом, который был вызван появлением на страницах «Московских ведомостей» знаменитой некрологической статьи Тургенева о Гоголе, решила теперь действовать более «осмотрительно» и категорически воспротивилась напечатанию эпиграфа, как теперь выясняется, из-за «предосудительных» строк:

Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы.

29 октября 1852 года Аксаков с горечью сообщил об этом обстоятельстве Тургеневу². Два года спустя писатель вспомнил об этом эпиграфе, но теперь уже в связи со вторым изданием «Записок об ужении рыбы». Отрывок из послания к Дмитриеву был на сей раз пропущен, но в искаленном виде. В строке «В мир спокойствия, свободы» последнее слово цензором И. Снегиревым признано было крамольным, вымарано и заменено отточием. Лишь в третьем издании «Записок об ужении рыбы» злополучный эпиграф был напечатан целиком.

Выход книги Аксакова вторым изданием вызвал в печати снова ряд восторженных критических откликов, наиболее значительным из которых явилось выступление И. И. Панаева на страницах «Современника». Самой важной чертой «Записок» Аксакова, по его мнению, является то «глубоко поэтическое чувство природы», которое свойственно большому художнику, и та удивительная «простота в изложении», которая отличает истинное произведение искусства. В этой книге «столько простоты,— писал Панаев,— что ее смело можно променять на десятки так называемых романов, повестей и драм, которые пользовались у нас в последнее время даже доволь-

¹ Центральный Государственный архив литературы и искусства (в дальнейшем сокращенно ЦГАЛИ), ф. 212, оп. 1, л. № 260.
² «Русское обозрение», 1894, № 8, стр. 484.

но значительным успехом. В ней столько поэзии, в этой небольшой книжечке, сколько вы не отыщите в целых томах различных стихотворений и поэм, которые привились и точно имеют в себе некоторые поэтические достоинства. Она, может быть, даже для специалиста, для охотника удить не имеет такого значения, какое имеет для художника, для литератора».¹ «Ты так умеешь писать, что и этот предмет делается у тебя литературным», — сообщал Аксакову М. Дмитриев в ответ на полученный от него экземпляр «Записок».²

Литературные достоинства книги Аксакова были и в последующие десятилетия по достоинству оценены самыми выдающимися русскими писателями. Для многих из них она служила своего рода эталоном, образцом того, как надо живописать природу. В 1884 году Чехов писал своему брату педагогу Ивану Павловичу, что с интересом читает журнал «Природа и охота», и особенно статьи об аквариумах, ужении рыбы. «Хорошие есть статьи, — добавляет Чехов, — вроде аксаковских».³ «Запискам об ужении рыбы» воздавал должное и Горький. Во второй части романа «Жизнь Клима Самгина» есть любопытный эпизод. В серьезном, важном разговоре, который ведет большевик Степан Кутузов с Климом Самгиным, неожиданно всплывает имя Аксакова. Кутузов обращается к своему собеседнику: «Вы, Самгин, рыбу удить любите? Вы прочитайте Аксакова «Об ужении рыбы» — заразитесь! Удивительная книга, так знаете написана — Брем позавидовал бы!»⁴

2

Успех рыболовных записок побудил Аксакова написать новый цикл записок, на этот раз — охотничий. Книга называлась — «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии».

О том, какое значение имело охотничье ружье в его жизни, Аксаков свидетельствует в первых главах «Детских годов Багрова-внука». Там рассказывается, с каким волнением и радостью одерживал свои первые охотничьи победы Сережа Багров. «Я и в ребячестве был уже в душе охотник», — говорит Багров-Аксаков. В последующие двадцать-тридцать лет не было занятия, которому бы Аксаков предавался с большим самозабвением, чем охота. 21 июня 1848 года он писал Гоголю: «С двенадцатилетнего возраста до тридцатилетнего я был предан этой охоте страстно, безумно. Я уже написал «Прилет птицы весною» и думаю, что даже не охотник может прочесть с удовольствием этот отрывок» (III, 364—365).

Работа над задуманными «Записками ружейного охотника» была начата в 1849 году. В декабре того же года Аксаков писал своему сыну Ивану: «С удовольствием воображаю, как я стану читать тебе мои записки. Хотя я не всем доволен, но убежден, что в

¹ «Современник», 1854, № 8, стр. 130—131.

² ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, л. № 18, л. 1.

³ А. П. Чехов в Полн. собр. соч., т. 13, И. 1948, стр. 110.

⁴ М. Горький. Собр. соч., т. 20, М. 1952, стр. 47.

них много достоинства: для охотника с душою, натуралиста и литератора. Я постоянно удерживаю себя, чтоб не увлекаться в описании природы и посторонних для охоты предметов; но Константин и Вера сильно уговаривают, чтоб я дал себе волю: твой голос решит это дело. Боюсь как огня стариковской болтливости, которая как раз подумает, что все ей известное никому неизвестно и интересно для всех».¹

В высшей степени требовательно, придирчиво относился Аксаков к каждой новой главе своей книги. И ничьи восторженные отзывы не могли поколебать этой его позиции. «Я написал «Гуся» и «Лебедя»,— сообщал он сыну Ивану,— Гоголь и то и другое очень хвалит, но я недоволен; впрочем, я надеюсь исправить».² «Я не могу найти приличного тона, не могу с точностью назначить себе границы; все, что я написал до сих пор, мне не нравится»,— отмечает он в другом письме к сыну.³

В соответствии со своими эстетическими принципами писатель добивался, чтобы его охотничьи очерки отличались максимальной простотой и непосредственностью. Никакого сладкого умиления перед величием и красотой природы! Никаких вычур, красивостей, экзотики, ложной патетики! Спокойная и неторопливая манера повествования, максимальная экономия изобразительных средств — именно в этом направлении неутомимо перерабатывал главы своей книги Аксаков. Когда Иван Аксаков написал отцу, что, по его мнению, глава «Лебедь» должна получиться «особенно хорошо», что она должна быть написана «как можно проще» и что, между прочим, его описания нравятся «потому, что в них простота выражений безлиризма доводит производимое впечатление до лиризма»,— С. Т. Аксаков отвечал сыну: «Совершенно ты прав, мой милый Иван, насчет описания лебедя, именно потому-то я и недоволен собою, хотя и Гоголь, и Вера, и Константин очень хвалят».⁴

В конце 1851 года «Записки ружейного охотника» были завершены. 12 января следующего года Аксаков писал Тургеневу: «Расставшись с моими «Записками», я грущу о прекращении дела, которое приятно занимало меня три года...»⁵ Работа над этими «Записками» была для Аксакова особенно памятной тем, что они были некоторым образом связаны с именем Гоголя. По свидетельству Аксакова, Гоголь всячески «подстрекал» его к написанию охотничьих записок и с живейшим интересом знакомился в рукописи с отдельными их фрагментами. «Вчера читали Гоголю дупельшнепа и гаршнепа,— сообщал Аксаков сыну Ивану 17 января 1850 г.,— и он чрезвычайно был доволен, даже выпросил себе все, чтобы перечесть

---

¹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, д. № 13, л. 55; Ср. «Русскую мысль», 1915, кн. VIII, стр. 123, где это письмо напечатано с существенной ошибкой.

² «Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 723

³ Там же, стр. 728.

⁴ «Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 723—724.

⁵ «Русское обозрение», 1894, № 8, стр. 463.